

неясно, что такое «патронимийный культ» (стр. 200); какая связь между патронимийными кладбищами и священными культовыми местами хантов Эсталинских юрт (?!), между культом медведя и почитанием лесного бога (?!); какова связь промыслового культа с культом деревьев, почему медведь и волк до XVIII в. были «когнатными родовыми тотемами» (стр. 202).

Третья глава работы («Государственные власти и население Северо-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.») посвящена особенностям управления и правительственной политики в крае. Здесь Н. А. Миненко сообщает много нового. Большинство из рассматриваемых ею проблем оставались до сих пор почти неизученными. Существующая литература затрагивала лишь вопросы, связанные с реформой Сперанского, освободительным движением и христианизацией хантов и ненцев. Н. А. Миненко рисует яркую картину злоупотреблений администрации на севере Сибири. В разделе, посвященном политике правительства в отношении коренного населения, весьма ценны данные, касающиеся сбора ясака, подготовительной работы, предшествующей реформе Сперанского, распространения православия среди народов Севера. В оценке реформы Сперанского автор расходится со своими предшественниками (Л. И. Светличная, В. Г. Карцов), считая, что устав 1822 г. был продолжением старой политики консервации культуры и быта коренного населения. Думается, что в данном случае автор не совсем прав, так как реформа Сперанского была, безусловно, прогрессивным явлением.

По-новому подходит Н. А. Миненко к оценке методов крещения народов Западной Сибири. Ею правильно отмечено, что предоставление новокрещеным различных льгот, особенно в уплате ясака, способствовало распространению православия. Но совершенно очевидно, что при этом применялись и насильственные методы. Автор, кстати, приводит яркие тому примеры (стр. 279, 280). Тот факт, что миссионеры всегда сопровождали солдаты и казаки, даже если они и были необходимы «для помощи при передвижении по труднодоступным районам севера» (стр. 271), не мог не устрашать население.

В целом же капитальное исследование Н. А. Миненко представляет большой интерес для историков и этнографов. Безусловным достоинством работы являются как публикация и интерпретация обширных и новых архивных материалов, так и нешаблонный, самостоятельный, оригинальный подход автора к решению ряда сложнейших проблем.

З. П. Соколова

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, керекчи, коряки и ительмены). Составление, предисловие и примечания Г. А. Меновщикова. М., 1974, 646 стр.

В рецензируемой книге опубликовано 206 текстов сказок и мифов народов Крайнего Северо-Востока СССР. Из них эскимосских 55, чукотских 56, керекских 12, корякских 35, ительменских 48. Некоторые из представленных сказок (например, 27 эскимосских, 23 чукотских, 17 корякских) можно встретить в более ранних изданиях, выходящих в свет небольшими тиражами в местных издательствах (Магадан, Хабаровск). Такие сборники нередко публиковались на чукотском, корякском и других языках народов Чукотки и Камчатки и не всегда снабжались необходимым научным аппаратом.

В данной книге помещен фольклорный материал, собиравшийся в разные годы, причем как в сборе, так и в переводе его на русский язык принимали участие представители местной национальной интеллигенции. Так, например, часть сказок и мифов была записана чукчами В. Ятыргиным, Ф. Тынэтэгыном и П. И. Инэнликеем, эскимосами Н. Рукактак и В. Анальквасак, коряками К. Кеккетыном и Х. Нутэвы, ительменкой Н. К. Старковой. Основная часть публикуемых фольклорных текстов собрана и переведена известными специалистами по языкам народов Севера Е. С. Рубцовой и Г. А. Меновщиковым (фольклор эскимосов), Л. В. Беликовым и П. А. Скориком (фольклор чукчей), С. Н. Стебничкиным, А. Н. Жүковой и И. С. Вдовинным (корякский фольклор), А. П. Володиным (ительменский фольклор), В. В. Леонтьевым (керекский фольклор). —

Особое место занимают в сборнике разделы, посвященные фольклору ительменов и почти неизвестному ранее фольклору кереков. По разным причинам фольклор этих народностей, во многом еще мало изученных, ранее почти совершенно не публиковался. В рецензируемой книге помещено 48 сказок и мифов ительменов, собранных известной исследовательницей народов Севера Е. П. Орловой (12 образцов), Н. К. Старковой (5), А. П. Володиным (10). 21 текст (в переводе на русский язык А. П. Володина) перепечатан из книги И. В. Йохельсона, изданной в 1961 г. на английском языке. Для фольклористов, историков, этнографов эти разделы представляют большую ценность.

Книга подготовлена, тщательно прокомментирована известным специалистом по языку эскимосов Г. А. Меновщиковым. Каждый образец фольклора хорошо документирован. В комментариях сообщается много ценных сведений по культуре, фольклору, истории эскимосов, чукчей и их соседей. В «Этнографической справке» (стр. 596—599)

приведены краткие данные о численности, расселении, самоназваниях народов Крайнего Северо-Востока, основных этапах исторического развития, истории изучения их языков. Приведен словарь географических названий и терминов (стр. 633—637), а также список основной литературы (стр. 638—641).

В предисловии, озаглавленном «Об устном повествовательном творчестве народностей Чукотки и Камчатки» (стр. 3—48), Г. А. Меновщиков дает общую характеристику различных жанров фольклора. Он говорит о тесных контактах народов Крайнего Северо-Востока, обусловивших общность сюжетов и сходство фольклорных персонажей. «Явления исторического взаимодействия культур родственных по языку чукотско-камчатских народностей с культурой иноязычных азиатских эскимосов позволяют рассматривать устное творчество всего чукотско-камчатского региона в совокупности. Это, однако, не исключает выделения локальных особенностей фольклора каждой народности» (стр. 7—8).

Автор предисловия, несомненно, прав, утверждая, что включенные в сборник тексты «дают достаточное представление об общих типологических особенностях основных жанров и циклов фольклора аборигенов Чукотки и Камчатки в целом и о специфических чертах фольклора каждой народности в отдельности» (стр. 9).

Г. А. Меновщиков выделяет не только своеобразие разных жанров фольклора, но и общие черты, свойственные фольклорным произведениям изучаемых народов (стр. 10—14), что отмечалось и прежде многими исследователями. Он привлекает сравнительный материал, отмечая особенности тех или иных сюжетов и вариантов. В результате он констатирует: «К основным жанрам устного творчества палеоазиатов Чукотки и Камчатки, включая азиатских эскимосов, согласно отмеченным выше классификационным схемам чукотского и эскимосского фольклора и бытующим видам этого словесного народного искусства у коряков и ительменов, можно отнести следующие: 1) мифические (или космогонические) предания; 2) волшеббно-мифические сказки с подразделами: а) волшеббно-героические сказки о фантастических похождениях героев по разным мирам и их борьбе с враждебными силами, б) сказки о кэле, нынвитах и тунгаках, в) сказки о дружественных и брачных союзах человека и животного, г) сказки о непокорной дочери, д) сказки о сироте, е) сказки о шаманах; 3) героические сказания; 4) исторические предания; 5) сказки о животных; 6) бытовые сказки (рассказы); 7) заговоры; 8) песни; 9) загадки (последние отмечены только у коряков)» (стр. 16).

Для историков и этнографов, занимающихся проблемами этногенеза народов Северо-Востока, американских индейцев и гренландских эскимосов. Эти теории основываются на бытовании у всех этих народов так называемого «Вороньего цикла» — мифов и сказок о Вороне — «культурном герое». Г. А. Меновщиков показывает различия в представлениях об этом персонаже у ительменов, коряков, чукчей и эскимосов (стр. 16—24). На наш взгляд, для целей этногенетических исследований было бы плодотворно рассмотреть также и отдельные сюжеты, а не только «Вороний цикл» в целом.

Разумеется, фольклор каждого из народов Северо-Востока имеет значение не только для этнографических исследований, но является и показателем духовных возможностей, разностороннего творческого гения каждого народа. Огромный интерес представляет выявление специфики фольклора не только у каждого народа, но и внутри различных его групп, например у оленных и оседлых чукчей и коряков, у чаплинских, сиренинских и науканских эскимосов.

К сожалению, в комментариях к сборнику приведено мало данных о том, как именно бытовал в прошлом (и как бытует в настоящее время) фольклор, кто преимущественно хранит его (мужчины, женщины), какие сюжеты и жанры наиболее любимы и т. п.

Большой интерес для фольклористики представляет изучение творчества отдельных сказителей. В «Примечаниях» названы их имена, однако такого перечня недостаточно. Лишь на стр. 616—617 приведены некоторые сведения о выдающемся рассказчике, собирателе фольклора, поэте-чукче Ф. Тынэтэгыне.

Для изучения прошлого бесписьменных народов очень важны те данные фольклора, которые находят прямые подтверждения в различных исторических документах. Так, И. С. Вдовин обнаружил ценнейшие параллели, позволяющие высоко оценивать фольклор (в частности коряков) как исторический источник¹.

В то же время ученые неоднократно обращали внимание на необходимость очень осторожного обращения с таким источником, как фольклор при исследованиях традиционного быта, культуры, верований, социальных отношений в прошлом и т. п., поскольку в нем отсутствуют хронологические показатели; трудно «вычленить» заимствования из фольклора соседних народов и учесть временные изменения в отраженных в фольклоре явлениях и т. п.² Кроме того, всегда имеет место³ проникновение в

¹ И. С. Вдовин. О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными, «Фольклор и этнография», Л., 1970.

² А. М. Решетов. Об использовании данных фольклора для изучения ранних форм семейно-брачных отношений, «Фольклор и этнография», Л., 1970, стр. 238—255.

³ Г. А. Меновщиков, Устное народное творчество азиатских эскимосов как историко-этнографический источник, М., 1964.

фольклор одного народа отдельных мотивов, образов, сюжетов из фольклора другого народа при тесных контактах между ними.

Приведем некоторые этнографические материалы, которые можно извлечь из рассматриваемого сборника фольклора. В дальнейшем на основании этих и других фольклорных данных может быть написано специальное исследование, посвященное быту и культуре народов Северо-Востока. Опубликованные в сборнике тексты позволяют также судить о занятиях этих народов. Характерно, что в специальных научных описаниях некоторые бытовые подробности, отраженные в мифах, не учитывались. Так например, в сказке № 4 перечисляются орудия морского промысла (гарпун, накопечник и др.); показаны способы охоты: загарпуненный зверь сначала тянул за собой каяк с охотником, потом охотник подтягивал животное и бил его по голове каменным молотком. Затем он надрезал шею убитого зверя, надувал его и буксировал к берегу (№ 17); рассказывается также о том, как добывали моржа зимой в полынь (№ 35). Приведем еще несколько примеров. Бедные семьи, не имевшие каяков, добывали животных только на берегу (№ 33); эскимосы ловили навагу, сидя у лунок, защищаясь от ветра стенкой из снега (№ 20). Рыбу ловили сетями (№ 2). В одной из сказок говорится о бедной семье эскимосов (бабушка, оставшаяся с внуком на рупках), не имевшей никаких орудий лова; бабушка плела силки, а внук ставил их на куропаток (№ 22).

В приведенных в рецензируемой книге сказках содержатся данные об охоте эскимосов с луком на диких оленей, чукчей — на медведя с метательным копьем (№ 63, 64). Много говорится и о женских занятиях — сборе съедобных трав и корней в тундре и на берегу моря (№ 31 и др.).

В ительменском фольклоре герой сказок Ворон живет, как человек. Он ловит вместе с женой рыбу в реке запорами (№ 172). В многочисленных корякских и ительменских сказках упоминается об охоте на горных баранов, а также о добыче керекками весной и летом кайр на птичьих базарах (№ 113).

Большой интерес не только для этнографов, но и для археологов представляет описание процесса изготовления эскимосами глиняной посуды (№ 33). Жители Севера стали заниматься гончарным промыслом сравнительно поздно, поэтому он не нашел отражения ни в других образцах фольклора, ни в литературе, ни в исторических документах.

Для исследователей материальной культуры народов Севера важны описания в сказках, хотя бы и очень краткие, старинных подземных жилищ эскимосов, например, упоминания о коридорах, полах, нишах в стенах, «верхних нарах» и т. п.

При описании землянок кереков (*валькарам*) упоминаются дымовые отверстия и пологи (№ 113). В сказках ительменов говорится о жилище с чердаком русского типа (№ 190).

Многие сказки содержат подробное перечисление деталей одежды, в частности у охотников-эскимосов. Они надевали, отправляясь на промысел, два дождевика (второй толстый, предназначенный специально для охоты в каяке). На одну руку надевали короткую, на другую длинную рукавицу; над глазами закрепляли солнцезащитный козырек (№ 17). В корякской сказке № 146 упоминается о борцовских торбазах и штанах, специально надевавшихся во время соревнований.

В опубликованных в сборнике сказках и мифах эскимосов почти полностью отсутствуют сведения об упряжном собаководстве. Герои всех сказок и зимой ходят пешком — от землянки к землянке, по берегу, по тундре, от селения к селению, на промысел, на поиски пропавшей жены, ребенка и т. п. Юноши много тренируются в беге и ходьбе, взрослые состязаются в беге и ходьбе. Эти мотивы встречаются почти во всех сказках (№ 10, 11, 16 и др.). Гости также приходят, а не приезжают.

Чукчи также повсюду ходят пешком, о собаках упоминаний почти нет. В то же время можно встретить сказки, где говорится о том, что жених везет невесту на ручной нарте, причем тянет ее сам (эскимосские сказки № 37, 41, чукотская № 80). В сборнике более 100 эскимосских и чукотских сказок, но лишь в одной из них (чукотской) упомянуто о езде на собаках (№ 58). Из 45 текстов эскимосских сказок, записанных Е. С. Рубцовой у эскимосов⁴, лишь в № 12 говорится о езде на собаках.

Исследователи, занимавшиеся изучением средств передвижения, считали, что старинная собачья нарта приморских чукчей и эскимосов не отличается от оленьей чукотской⁵. Все это наряду с фольклорными данными свидетельствует об очень позднем возникновении транспортного собаководства у эскимосов и приморских чукчей⁶.

Из сказок и мифов рецензируемого сборника можно узнать о вере чукчей, эскимосов и коряков — в хозяев моря, которым приносили жертвы (№ 11, 125, 113 и др.), владычиц неба (№ 24, 31 и др.), хозяев вселенной (№ 17), хозяина огня (№ 22). Сказки позволяют выявить представления эскимосов и чукчей о судьбах душ умерших и утонувших. В сказках рецензируемого сборника, как и в сказках многих народов мира, отражаются представления о населении подземного, верхнего, подводного миров, веду-

⁴ Е. С. Рубцова, Материалы по языку и фольклору эскимосов, М.—Л., 1954.

⁵ «Историко-этнографический атлас Сибири», М.—Л., 1961, стр. 58.

⁶ Приведенные данные подтверждаются чукотским фольклором. См. И. С. Вдовин, Очерки истории и этнографии чукчей, М.—Л., 1965, стр. 42.

щем обычную земную жизнь. Животные в сказках — косатки, волки, медведи, лисы — благожелательно расположены к людям и ведут человеческий образ жизни. Может быть именно поэтому в сказках люди вступают в браки с животными, рожают от них детей (например, женщина рождает китенка, моржонка, вступает в связь с птицами). Попутно отметим, что у народов Крайнего Северо-Востока очень много сказок не только о Вороне, но и об Орлах-великанах (легенды о птицах-великанах отмечены также у многих народов Приамурья — орочей, ульчей, ороков, нанайцев).

Большой интерес в фольклоре народов Северо-Востока представляют женские персонажи, выступающие в качестве хозяек «верхнего мира», воинов-богатырей (№ 21, 85, 89, 95 и др.), протестующих против притеснений со стороны мужей или отцов (№ 16), свободно выбирающих себе мужей (№ 17, 39). Они не хотят выходить замуж и становятся «создательницами» оленей, морских зверей, селений. Последний сюжет был известен эскимосам (№ 15), чукчам (№ 56) и корякам (№ 141).

В собранных в книге сказках и мифах отражены обряды-праздники, посвященные китам, обычай добровольной смерти (№ 56, 96); рассказывается об обменном браке (№ 74) и т. п. Сказки народов Северо-Востока проникнуты оптимизмом. В большинстве из них человек выступает как победитель злых сил (великанов, оборотней и т. п.).

Сказки и мифы народов Чукотки могут служить также хорошим источником для изучения этнической психологии малых народов Севера, ибо здесь во многих случаях раскрывается не только духовный мир людей, но и приводится мотивировка многих их поступков (естественно, обусловленная в повседневной жизни обычаями, религиозными верованиями т. п.).

В фольклоре находит отражение также социально-экономическая жизнь. В сказках говорится о старшинах селений, могущество которых, в частности, основывалось на умении владеть байдарой; о сиротах, нуждающихся и гонимых (№ 30, 55 и др.). Особенно четко социальная дифференциация проявлялась у оленеводов. В сказках № 24, 42 и др. отражен натуральный обмен между приморскими жителями и оленеводами. Повествуется и о столкновениях («войнах») между оленеводами — чукчами и коряками — за обладание оленями и другим имуществом (№ 85, 86, 88, 91 и др.). В сказках № 17 и 19 говорится о том, как одна эскимосская община отомстила другой за то, что ее жители убили выращенного ими кита («за своего кита отомстили» — № 19, стр. 107). Члены другой общины в свою очередь «отомстили за своего человека» (там же). Однако в комментарии к сказке (стр. 604) говорится, что здесь отражена борьба за промысловые угодья для морской охоты этих двух общин. Такая трактовка необоснованна: эскимосов было очень мало на огромном побережье, расстояния между небольшими селениями измерялись сотнями километров⁷. Какие же могли быть основания для борьбы за угодья?

В фольклоре народов Крайнего Северо-Востока можно отметить и известные элементы модернизации. Больше всего они проявляются в сказках коряков. Здесь встречаются упоминания об огнестрельном оружии, о злом духе кэле, едущем на коне (стр. 438). На руке у сказочного великана неожиданно появляются часы (стр. 432), другой дух кэле «окаянный... Храпит, все равно как трактор громыкает» (стр. 423). Духи кэле в коряцких сказках моются в бане (стр. 428, 429). Герои сказки сели оленю на спину и «все равно как на велосипеде покатали» (стр. 423).

Разумеется, мы не могли затронуть в кратком отзыве все традиционные сюжеты. Читатели получили прекрасный свод сказок и мифов народов Крайнего Северо-Востока нашей страны. Вышедшая работа привлечет внимание историков, этнографов, историков религии, этнопсихологов, фольклористов и представителей многих других наук, которые по достоинству оценят ее.

Отсутствие в сборнике текстов на языках народов Севера является недостатком издания. Можно пожелать, чтобы в будущем выходили публикации на языках оригиналов с параллельным переводом на русский язык — это, несомненно, обогатит и историю и лингвистику.

А. В. Смоляк

⁷ Не вызвал бы удивления факт борьбы за моржовые лежбища, но в фольклоре нет таких данных. В указанной работе Г. А. Меновщикова «Устное народное творчество...» (стр. 4) говорится, что в этом сказании отражено существование кровной мести. С такой трактовкой можно согласиться.

Н. В. Новиков. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974, 253 стр.

В советской фольклористике не ослабевают внимание к народной сказке. Об этом свидетельствуют монографии, посвященные исследованию специфики, происхождения и судеб русской, белорусской и украинской сказки, появившиеся в послевоенные годы (В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, В. П. Аникина, Э. В. Померанцевой, Л. Г. Барага и др.). И все-таки восточнославянская сказка изучена все еще недостаточно. До сих пор